

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16042

EDN: AODAXP

Чеховская интерпретация женских образов пушкинского романа «Евгений Онегин»

Г. П. Козубовская

Алтайский государственный педагогический университет
(г. Барнаул, Российская Федерация)

e-mail: Galina_mifo@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется специфика художественного осмысления А. П. Чеховым героинь пушкинского романа «Евгений Онегин». Особое отношение Чехова к пушкинскому роману выражается в наделении героинь своих произведений именами пушкинских — Ольга и Татьяна, в «цитировании» сюжетных ситуаций и мотивов. Пушкинские принципы моделирования женских персонажей оригинально трансформируются у Чехова. В ранней прозе Чехова («Драма на охоте») объемность женского образа сконструирована точкой зрения рассказчика, а сюжету о превращении «красного цветка зеленого леса» в «змею» присуща некоторая прямолинейность. В поздней прозе сюжеты о женских метаморфозах, строящиеся на игре текста с подтекстом, более органичны. Вегетативный и анималистический мотивы, выполнявшие в романе Пушкина хартерологическую функцию, концептуализируются. В рассказе «Попрыгунья» цветочный мотив, реализующийся в элегической образности (от белого вишневого дерева до брошенного цветка), перерастает в ассоциативную анималистическую метафору, в смыслах которой — самопрезентация героини и авторская оценка. Разрабатывая женские характеры, Чехов опирается на пушкинский принцип зеркальности, обнажая другой полюс характера в ассоциативной метафоре, базирующемся на косвенном соотношении человека с фауной. В рассказе «Душечка» скрытые смыслы «перевоплощений» героини актуализуются в ассоциативной метафоре, и идеальная хозяйка пасторального мира обретает материализованное воплощение в черной кошечке-двойнике, носительнице инфернальных смыслов. Верность долгу в Татьяне Песоцкой («Черный монах») оборачивается крахом жизни: она взваливает на себя непосильное бремя и ассоциируется с «загнанной лошадью»; смыслы ассоциативной метафоры рассыпаны по тексту. В рассказе «У знакомых» две нестыкующиеся в сознании Подгорина ипостаси пушкинской Татьяны (цветущая Татьяна Лосева и романтичная Надежда) смыкаются семантикой телесности (чулки телесного цвета — единственное, что остается в памяти Подгорина, сбравшего жениха) и смыслами ассоциативных метафор, предопределяя финал. В игре с пушкинской литературной моделью формируются чеховская концепция женского характера и художественные принципы его моделирования.

Ключевые слова: А. П. Чехов, А. С. Пушкин, архетип, литературная модель, мотив, поэтика, полисемантизм, ассоциативная метафора, метаморфоза, мифологема

Для цитирования: Козубовская Г. П. Чеховская интерпретация женских образов пушкинского романа «Евгений Онегин» // Проблемы исторической поэтики. 2026. Т. 24. № 1. С. 156–179. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16042. EDN: AODAXP

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2026.16042

EDN: AODAXP

Chekhov's Interpretation of Female Characters in Pushkin's Novel "Eugene Onegin"

Galina P. Kozubovskaya

*Altai State Pedagogical University
(Barnaul, Russian Federation)*

e-mail: Galina_mifo@mail.ru

Abstract. The article examines the specifics of A. P. Chekhov's artistic understanding of the heroines of Pushkin's novel "Eugenie Onegin." Chekhov's special attitude to Pushkin's novel is expressed in naming the heroines of his works after Pushkin's characters — Olga and Tatyana, in "quoting" plot situations and motives. Pushkin's principles of female character modeling are ingeniously transformed by Chekhov. In Chekhov's early prose ("The Shooting Party"), the complexity of the female image is constructed by the narrator's point of view, and the plot about the transformation of the "red flower of the green forest" into a "snake" is characterized by a certain straightforwardness. In his later prose, the plots about female metamorphoses, built on the interplay of text and subtext, are more natural. The vegetative and animalistic motifs, which performed a characterological function in Pushkin's novel, are conceptualized. In the short story "The Grasshopper," the floral motif, realized in elegiac imagery (from a white cherry tree to a discarded flower), develops into an associative animalistic metaphor, whose flickering meanings contain both the heroine's self-presentation and the author's assessment. In developing female characters, Chekhov relies on Pushkin's principle of mirroring, revealing the character's opposite vertex in an associative metaphor based on the indirect correlation of man and fauna. In the short story "Dushechka," the hidden meanings of the heroine's "reincarnations" are actualized in an associative metaphor, and the ideal mistress of the pastoral world finds a materialized embodiment in a black cat — a double, a bearer of infernal meanings. Tatyana Pesotskaya's fidelity to duty ("The Black Monk") turns into a collapse of her life: having taken on an unbearable burden, she elicits associations with a "driven horse;" flickering meanings of the associative metaphor are scattered throughout the text. In the story "At the Acquaintances' Place," two incarnations

of Pushkin's Tatyana (the blooming Tatyana Loseva and the romantic Nadezhda), who are incompatible in Podgorin's mind, converge through the semantics of corporeality (the flesh-colored stockings are the only thing that remains in the memory of Podgorin, the runaway fiancé) and the meanings of associative metaphors, predetermining the ending. In this play with Pushkin's literary model, Chekhov's concept of the female character and the artistic principles of its modeling are formed.

Keywords: Anton Chekhov, Alexander Pushkin, archetype, literary model, motif, poetics, polysemanticism, associative metaphor, metamorphosis, mythologem

For citation: Kozubovskaya G. P. Chekhov's Interpretation of Female Characters in Pushkin's Novel "Eugene Onegin". In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2026, vol. 24, no. 1, pp. 156–179. DOI: 10.15393/j9.art.2026.16042. EDN: AODAXP (In Russ.)

Представление об Ольге Лариной как о «пустом», «легкомысленном» существе, закрепившееся в русской критике и получившее продолжение в советском литературоведении, в настоящее время пересмотрено: по утверждению психологов, Ольга — образец душевного и физического здоровья, в отличие от нервно-истеричной Татьяны [Робак]¹.

Однако еще в начале XX в. в «Словаре литературных типов. Пушкин. Типы Пушкина» (1912) была отмечена «объемность» Ольги как литературного персонажа. В пушкинском романе Ольга существует в парадигме несовпадающих смыслов. С одной стороны, убийственная ирония Онегина («Вандикова Мадонна», «глупая луна» [Пушкин: 57]²), с другой — элегическая метафорика: ландыш³ («...Цвела, как ландыш потаенный...» [Пушкин: 46]) и лилия (см. в раздумьях Ленского накануне дуэли: «Буду ей спаситель. / Не потерплю <...>, Чтоб червь презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек; / Чтобы двухутренний цветок /

¹ В «Энциклопедии литературных героев» (1997, 1998) Ольга вообще не упоминается.

² Курсив здесь и далее в цитатах наш. — Г. К. Ю. М. Лотман предполагает, что в этой оценке — отсылка к «Мадонне с куропатками» Ван Дейка, где представлена зрелая женщина с румянцем и пухлыми щеками, — «единственное полотно такого содержания, которое он [Пушкин] мог видеть» [Лотман: 210].

³ В. Набоков указал на «жертвенные» смыслы ландыша (с отсылкой к элегии К. Н. Батюшкова «Выздоровление») в ранних редакциях романа (см.: [Набоков: 257]).

Увял еще полураскрытый» [Пушкин: 126])⁴. «Ландыш» и «лилия» несут эмблематические смыслы, символизируя непорочность, чистоту, девственность. Эмблематика питается мифами: ландыши родились из капелек нетленного пота спасшейся от преследования лесных фавнов Дианы-охотницы⁵. Цветочные сравнения отсылают к мифологеме женщина-цветок, актуальной в русской элегической поэзии начала XIX в. Лилия в культуре наделена и другими смыслами: это цветы смерти, которыми украшали ложе молодых девушек⁶.

Условно-поэтические смыслы цветочной символики обогащены историко-культурными. Называя Ольгу Филлидой, Онегин иронизирует над идеальными представлениями Ленского о женщинах. На амбивалентность образа Филлиды в культуре указал Г. Ю. Карпенко [Карпенко: 152]: Филлида, с одной стороны, ассоциируется с девственностью и верностью в любви, с другой — со страстью. Согласно древнегреческому мифу, на могиле умершей с горя Филлиды, не дождавшейся возлюбленного, вырастают деревья, осыпающиеся в месяц ее смерти⁷. На наш взгляд, Филлида — пластическое выражение мифологемы женщина-цветок, включающей, в том числе, и эrotические смыслы: элегик Ленский восхищен расцветшей телесностью «идеальной» Ольги.

По некоторым источникам, Филлида — гетера, якобы оседлавшая мудреца Аристотеля⁸. Ситуация «оседлания» восходит

⁴ Е. П. Гречаная указала на предположительный источник цитаты — роман Ю. Крюденер, где двухутренний цветок связан с образом умершего младенца (см.: [Гречаная: 184]). На наш взгляд, семантика скоротечности «двуухутреннего цветка» предопределена особым ритмом жизни лилии: она раскрывается утром и закрывается вечером.

⁵ См.: Флора и Фавн. Мифы о растениях и животных: краткий словарь. М.: Русь, 1989. С. 58.

⁶ Цветы — символы смерти в разных культурах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos-ritual.ru/informatsiya/stati/tsvety-simvoli-smerti-v-raznyh-kulturah> (10.08.2025).

⁷ Ботвинник М. Филлида // Миры народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2: К — Я. С. 562.

⁸ Став свидетелем оседлания, Александр Македонский, вопреки ожиданию, не счел мудреца опозоренным, а наоборот, убедившись в женском коварстве, окончательно отказался от любовницы-гетеры. См.: Aristotle and Phyllis — Аристотель и Филлида [Электронный ресурс]. URL: <https://history-of-art.livejournal.com/515459.html> (10.08.2025). История не имеет

к мифологическому архетипу, содержащему мотив коварства женской власти.

В ассоциативных сопряжениях отдельных эпизодов пушкинского романа — разнообразные смыслы «пасторальности»⁹. В «Путешествии Онегина» запечатлен новый идеал Автора, основанный на простых жизненных ценностях («...мой идеал теперь — *хозяйка*, / Мои желания — покой, / Да щей горшок, да сам большой» (курсив автора — Г. К.) [Пушкин: 203]) и рифмующийся с ироничными эпизодами чайных ритуалов во 2-й главе романа. Ольга, разливающая чай, вписывается в типологический ряд «барышень на выданье»¹⁰, прочерчивая уходящую в подтекст перспективу удвоения своей маменьки, открывшей тайну, «как супругом / самодержавно управлять» [Пушкин: 51].

Анималистический мотив (Ольга «легче ласточки, влетает» к проснувшейся Татьяне; в культуре ласточка — одна из священных птиц Афродиты, вестница весны и любви¹¹) включает семантику «легкости». Хотя Ольга не воспринимается Ленским как «губительница», невольная вина героини никак не акцентируется Автором, но этот смысл «мерцает» в романе. Элегический мотив девы, оплакивающей безвременно ушедшего Ленского, сменяется другими, пунктирно очерченными, — заглохшей могилы «бедного певца» и девы под венцом. В этом и легкость забвения, и объективная сложность жизни, «не укладывающейся в условности идиллического хронотопа» [Ермоленко: 220].

документального подтверждения в летописях античности. Автором легенды был монах XIII в. по имени Жак де Витри. Сюжет запечатлен в картинах Альбрехта Дюрера, Леонардо да Винчи, Лукаса Кранаха Старшего и др.

⁹ В. Набоков назвал Ольгу девушкой из Аркадии, отсылая к К. Н. Батюшкову («Мой гений») [Набоков: 255].

¹⁰ См. замечание С. И. Ермоленко: «Дуня в пушкинском тексте выступает как некое нарицательное, собирательное имя, обозначающее "уездную барышню" "на выданье". Ольга, таким образом, оказывается в числе этих деревенских "Дунь", которые, "разливая чай", преследуют вполне матримониальную цель — понравиться потенциальному жениху» [Ермоленко: 218].

¹¹ См.: Флора и Фавн. Мифы о растениях и животных. С. 174; [Иванова-Казас: 102].

Татьяна в романе Пушкина существует в ином семантическом контексте, чем Ольга¹². Из растений упоминается только сломанная сирень, неоднозначно истолкованная исследователями¹³.

Анималистические ассоциации развертывают смысл «дикого» как «природного» («Дика, печальна, молчалива, / как лань лесная боязлива» [Пушкин: 47]; «...и утренней луны бледней / И трепетней гонимой лани...» [Пушкин: 112–113]). В 8-й главе в сцене свидания Онегина с Татьяной «дикое» («дикий сад») как антитеза цивилизованному пышному Петербургу, помимо «естественного», получает семантику «нетленного».

«Бледное» развертывается в романе в вариациях «лунного»: Татьяну, ассоциирующуюся со Светланой В. А. Жуковского, сопровождает луна. «Бледный» в 8-й главе романа трансформируется в «холодный» (эпизод появления Татьяны на светском рауте). Эллипсис, связанный с метаморфозой уездной барышни в светскую даму, оригинально объяснила О. Р. Аранс, прочертив семантические цепочки ассоциативной образности, в которые включена Татьяна: «богиня Невы» — «невская русалка» — «жертвенная Персефона» (богиня царства мертвых, владычица преисподней) [Аранс]. «Бледный» трансформируется в «потусторонний»: Онегин, примчавшийся к Татьяне, «идет, на мертвца похожий» [Пушкин: 185], что отсылает к архетипической балладной ситуации — приход мертвого жениха за своей невестой¹⁴.

¹² Л. В. Грекова, отмечая, что сестры Ларины для современников Пушкина — «эмблемы», в которых запечатлено философско-эстетическое сознание эпохи, ссылается на письмо П. А. Вяземского к Пушкину от 26 апреля 1830 г., в котором он называл красоту Алябьевой «классической», в отличие от «романтической» красоты Н. Н. Гончаровой (см.: [Грекова: 107]).

¹³ С К. И. Шарафадиной, для которой сирень — «флористическая эмблема Татьяны» [Шарафадина, 2003: 292], категорически не согласна Е. Н. Егорова, считающая, что эта трактовка сужает образ Татьяны (см.: [Егорова: 161]). На наш взгляд, в стертой метафоре («Увы, Татьяна увядает, / Бледнеет, гаснет и молчит!» [Пушкин: 86]), отсылающей к мифологеме женщина-цветок, — уход от риторической эмблематики.

¹⁴ Татьянинны «губительные» смыслы обнаруживаются в 8-й главе («...Онегин сохнет — и едва ль / Уж не чахотко страдает» [Пушкин: 179]), хотя амплуа женщины-инфериальницы ей не присуще.

Татьяна и Ольга — не самые частотные имена чеховских героинь, но сюжеты, с ними связанные, содержат аллюзии на Пушкина. Ограничившись рассмотрением только тех произведений, героини которых наделены этими именами, мы имеем в виду, что имя — знак литературного характера и литературной модели — несет архетипические смыслы, заложенные в этих моделях¹⁵. Чеховские героини существуют в парадигме «узнаваемое»/«неизвестное», в гипотетических ситуациях, развертывающих возможности, заложенные в характерах. Избранные писателем сюжеты превращений с их неоднозначным прочтением как нельзя лучше раскрывают смысл чеховских интерпретаций.

Олењка Скворцова — центральный персонаж «Драмы на охоте» (1884)¹⁶, «героиня беспокойного романа», написанного бывшим следователем Камышевым, — ассоциируется с пушкинской Ольгой и по созвучию имен, и по внешности — тот же тип блондинки («...с прекрасной белокурой головкой, добрыми голубыми глазами и длинными кудрями» [Чехов; т. 3: 264]). Как и в пушкинском романе, чеховская Ольга существует на стыке оптик разных персонажей, зафиксированных автором уголовного романа¹⁷.

Растительный мотив в женском образе — сквозной в «Драме на охоте»: мифологема женщина-цветок репрезентирована в метафоре «красный цветок зеленого леса» [Чехов; т. 3: 272]. Вуалируя свою истинную роль в происшествии, Камышев замыкает Ольгу в условно-символические формулы:

«...она дала буре поцелуй, и буря сломала цветок у самого корня»
[Чехов; т. 3: 266].

¹⁵ А. В. Кубасов, исследуя карамзинский код в прозе Чехова («бедная Лиза»), отмечает: «Один из излюбленных приемов Чехова-юмориста — это переакцентирование чужой персонажной схемы и ее инверсия» [Кубасов, 2024: 120].

¹⁶ Общее место в исследованиях о чеховской «Драме на охоте» — ее пародийность. См., например: [Кибальник: 57–71].

¹⁷ Пушкинская Татьяна упоминается Наденькой Калининой — антиподом Ольги («Если кто подслушает, то подумает, что я навязываюсь, словно... пушкинская Татьяна» [Чехов; т. 3: 310]). См. замечание В. А. Кошелева, разрушающее «идеальность» героини: [Кошелев: 151].

Однако красота девушки обнаруживает другой полюс: для «испорченного животного» — графа Карнеева — она проявляется в «телесном»:

«— При таком молодом лице и такие развитые формы!» [Чехов; т. 3: 266].

В этом замечании — отголоски «эротических» смыслов пушкинской Ольги в восприятии Ленского, но значительно огрубленные.

Объемность характера Ольги, создающаяся точкой зрения Камышева, раздираемого противоречиями, кажется сконструированной: «вегетативное» замещается «анималистическим». «Анималистическое», правда, изначально задано в Ольге семантикой имени: ее «птичья» фамилия Скворцова («птичье» ассоциируется с «ангельским») предопределяет повороты сюжета¹⁸. В культуре скворцы — символ трансформации и возрождения, а также вестники перемен — наделены семантикой оборотничества¹⁹. «Анималистическое» получает выражение в прямом соотнесении реальной змеи (эпизод в усадьбе графа) с Ольгой, запечатленной на фото в кабинете Камышева:

«Здесь белокурая головка представлена во всем суэтном величии глубоко павшей красивой женщины» [Чехов; т. 3: 266].

Метафора охватывает стадии падения героини, перешагнувшей «последнюю» черту: «наяда», «лесная фея» превращается в «глупую развратную дрянь», «маленькую гадину», в «продажную женщину» (правда, через ассоциации с овечкой, «озябшим

¹⁸ Смерть героини подготовлена «птичьими» ассоциациями: сравнение Ольги с птичкой, «которую сильно стиснули в кулаке» [Чехов; т. 3: 297], пророчески-ловещая фраза «муж убил свою жену», повторяемая попугаем Камышева, и т. д.

¹⁹ См. об этом: Скворец: символизм и значение [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Z5Y9RdP72Q7BIWAK> (10.08.2025). Строение птичьих перьев, рассеивающих свет, создает колористический эффект изменения цвета при приближении. В. Даль предлагает две версии этимологии названия птиц: от «сквара» — «опаленный», «черный» или от «скворчать» — «шипеть, чирикать, как жареное на сковородке». А фразеологизм «переимчив, как скворец» указывает на способность птицы легко перенимать чужие голоса (см.: Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: в 4 т. СПб., 1882. Т. 4. С. 199). См. пародийный эпизод пения Ольги: [Чехов; т. 3: 270].

барашиком» — архетип жертвы) — и все это в «двоящейся» оптике Камышева, не прощающего ей измены²⁰. Архетип Филлиды, оседлавшей мужчин, реализуется в образе Ольги-азамонки, ловко сидящей в седле и упивающейся своим развратом, — предварение неизбежного кровавого финала.

В поздней прозе Чехова и сюжеты, и трактовки женских образов более органичны.

Две чеховские Ольги («Попрыгунья» и «Душечка»), существующие в парадигме «жены — супруги»²¹, где «жены» — хранительницы домашнего очага, «супруги» — женщины-изменницы, при всей противоположности сходны в одном — в отсутствии собственного содержания.

История Ольги Ивановны («Попрыгунья», 1891, опубл. 1892), наделенной присущими пушкинской Ольге чертами — женской привлекательностью, наивностью, простодушием, — рассказана на ее «языке». Цветочный мотив, пунктирно прочерченный (от сравнения героини с молодой вишней, покрытой нежными белыми цветами, к цветам, устилающим в ее снах путь в искусстве к славе, к искусственным цветам, за которыми несчастный Дымов был отправлен с дачи назад в город, и, наконец, к скрытой метафоре «брошенного цветка» в завершающемся романе с Рябовским)²², постепенно вытесняется анималистическим. Униженная любовником, Ольга Ивановна чувствовала себя «маленькой козявкой» [Чехов; т. 8: 25] — энтомологическая самопрезентация героини. «Анималистическое» (зоометафора²³) развернуто в семантических цепочках с энтомологическим ядром (для Рябовского после волжского путешествия Ольга

²⁰ Амбивалентность Ольги, заложенная в ее фамилии (скворец, как и любая птица, — символ души), обозначится в finale: умирая, она так и не назвала имени своего убийцы.

²¹ См. подробнее: [Кубасов, 1998: 121]. См. также наблюдения А. В. Кубасова о редком обращении к жене по имени в письмах Чехова: [Кубасов, 1998: 132].

²² Счастливая семейная жизнь держится на женской власти; исподволь готовится оглуление мужа, превращение его в удобное молчаливое животное (см. эпизод написания героиней портрета бедуина с выздоравливающего Дымова). В полном равнодушии Ольги Ивановны к делам мужа — отголоски пушкинской Ольги с ее невниманием к стихам Ленского («...Да Ольга не читала их» [Пушкин: 91]).

²³ Е. Н. Нагорная в кандидатской диссертации в описании зоометафор опирается на анималистические лексемы [Нагорная].

Ивановна всего лишь преследующая его «надоедливая муха», «жалащая оса»). А. В. Кубасов отмечает две формы анимализации в прозе Чехова — прямая (открытая анимализация, жестко задающая направление читательских ассоциаций) и косвенная: «В ней не называется прямо то или иное животное, а лишь подразумевается» [Кубасов, 1998: 48]. На основе косвенной, на наш взгляд, формируется специфический чеховский прием — «ассоциативная метафора»²⁴, то есть метафора, существующая в эпизодах, связанных с энтомологическими фразеологизмами. Ассоциативная метафора — органичная форма презентации другого полюса характера.

Переживаемая метаморфоза — низведение до насекомого — ведет героиню к прозрению, к инициации²⁵. Традиционная в культуре символика стрекозы — душа — размыта, уничтожена в бессмысленном порхании героини по жизни, сопровождаемом к тому же человеческой жертвой, но беспомощность героини в безысходной ситуации не может не вызывать жалости. Указанные А. В. Кубасовым зооморфные аналогии — «змея» и «ворона» [Кубасов, 1998: 50], включаясь в семантические цепочки, где «энтомологическое»²⁶ существует с «орнитологическим» и «герпетологическим», на наш взгляд, очерчивают сюжет.

От пушкинской Ольги в чеховской Душечке («Душечка», 1898, опубл. 1899) — утрированная телесная красота («полные здоровые плечи», «полные розовые щеки», «мягкая белая шея, добрая наивная улыбка...» [Чехов; т. 10: 103]) и «душевность».

²⁴ Термин наш. — Г. К.

²⁵ Чеховская метаморфоза точна с точки зрения биологии: стрекоза, минуя стадию кокона, из нимфы превращается во взрослую особь. См.: Акимушкин И. И. Мир животных. Насекомые. Пауки. Домашние животные. М.: Мысль, 1998. 462 с.; Захваткин Ю. А. Курс общей энтомологии. М.: Колос, 2001. 376 с.

²⁶ Заданный в заглавии новеллы образ «попрыгуньи-стрекозы» остается в тексте неназванным (о новелле см.: [Савинков]). Мысль о «сквозных» мотивах (в частности, инсектосемизмов) в произведениях писателя высказана в статье: [Миронюк]. Продолжая ее, отметим: так образуются семантические цепочки с наращиванием смысла — от прямого к переносному: от раннего («стрекоза жалкая, насекомое еле видимое» в «Письме к ученному соседу» и «Самое ехидное насекомое в свете есть женский пол» — «О женщинах») к позднему («Попрыгунья»).

В упоминаниях шеи — отсылка к мифологеме женщина-цветок и ассоциация с грациозностью кошки.

Вегетативный мотив почти редуцирован у Чехова²⁷; упоминаемый «горбыль» — трансформированное дерево, пригодное для строительства²⁸, — сигнал полного растворения женщины в делах мужа («...и что-то родное, трогательное слышалось ей в словах: балка, кругляк, тес, шелевка, безымянка, решетник, лафет, *горбыль...*» [Чехов; т. 10: 106]). В ее снах присутствуют те же предметы, но в угрожающей функции, предвещая катастрофический финал семейной идиллии. Единственное растение представлено в тексте в густаторном ощущении — через вкус утраченного:

«И так жутко и так горько, как будто объелась *полыни*» [Чехов; т. 10: 110]²⁹.

Смерть мужей — замирание души, отлет души от тела.

В повторе чаепитий, символизирующих пасторальность, последовательно наращивается семантика катастрофичности. Так, Кукина, кашляющего по ночам, Олењка поила «малиной, липовым цветом» [Чехов; т. 10: 104]. «Малина» в культуре наделена жертвенным смыслом: этот цвет кустарник приобрел от капелек крови поранившейся нимфы Иды, воспитывающей младенца Зевса³⁰. Упоминание липы отсылает к мифу о Филемоне и Бавкиде, которым боги дали возможность умереть одновременно (после смерти Филемон обращен в дуб, а Бавкида — в липу)³¹; миф не получил продолжения в судьбе героини. Чай оказался смертоносным для следующего мужа — Пустовалова.

²⁷ Заглавие ассоциативно связано с несостоявшейся виньеткой к сборнику стихов Пушкина 1826 г. — «Психея, задумавшаяся над цветком». О замысле виньетки см.: [Тахо-Годи Е. А., Тахо-Годи М. А.], [Шарафадина, 2018: 238–257].

²⁸ «Горбыль» — «крайняя доска, при распилке бревна, с горбом или округлостью наружу» (см.: Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля: в 4 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 387).

²⁹ Еще один смысл: полынь-чернобыль — трава забвения (см.: Флора и Фавн. С. 86). «Горечь» быстро сменяется забвением.

³⁰ См.: Флора и Фавн. Мифы о растениях и животных. С. 67.

³¹ Ботвинник М. Филемон // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2: К — Я. С. 562.

Анималистический мотив входит в произведение сначала через самопрезентацию героини: страдая бессонницей в ожидании Кукина, «она сравнивала себя с *курами*, которые тоже всю ночь не спят и испытывают беспокойство, когда в курятнике нет петуха» [Чехов; т. 10: 104]. В повторе эпизодов семейной идиллии происходит наращивание смысла ассоциативной метафоры — «глупая курица». В легкости «перевоплощений» героини, сменяющей мужей, — ассоциации с кошачьей оборотнической природой³².

Метаморфоза Ольги в сюжете вполне укладывается в вегетативную метафору: цветение — увядание (постарела, подурнела). «Вегетативное» пронизано «анималистическим»: скрытые до времени смыслы (она подобие Черной вдовы) выходят на поверхность — черная кошечка появляется в тот момент, когда героине не в кого больше перевоплощаться.

На двойничество героини и кошечки указывает А. К. Жолковский³³. Образ женщины-губительницы, не развернутый в романе Пушкина, получил у Чехова развитие в «подводном течении». Тип женщины-кошки обрел свое воплощение: душа героини как бы материализуется в черной кошечке. Полюса в парадигме «курица — кошка» сняты, демонстрируя текаемость одного в другое в пасторальной идиллии.

Две чеховские Татьяны — варианты типа верной супруги («Черный монах», 1893, опубл. 1894; «У знакомых», 1898).

Татьяна Песоцкая, с детства влюбленная в Коврина, становится его женой скорее в силу обстоятельств:

«...он никогда бы уж не мог полюбить здоровую, крепкую, краснощекую женщину, но бледная, слабая, несчастная Таня ему нравилась» [Чехов; т. 8: 240].

Объяснение героев идет под знаком Пушкина/Чайковского: Коврин напевает арию Гремина. Письма, связывающие «начала»

³² См. замечание Г. Ю. Завгородней: «Теневая сторона образа Оленьки Племянниковой, ее вампирическая природа <...> обнаруживается <...> в деталях описания болезни и смертей обоих ее супругов» [Завгородняя: 250].

³³ В свою очередь он отсылает к замечанию П. Бицилли (см.: [Жолковский: 338]). На наш взгляд, ключ к двойничеству — в указанных А. К. Жолковским архетипических мотивах, в частности, Ундины — губительницы мужчин, похитительницы их душ (см.: [Жолковский: 335]).

и «концы», — аллюзия на пушкинский роман, с тем отличием, что оба написаны Татьяной (см. о письмах: [Сахарова: 160]). Как и пушкинская Татьяна, чеховская героиня переживает утрату иллюзий относительно избранника: открытие пушкинской Татьяны («Уж не пародия ли он?» [Пушкин: 150]) в чеховской героине становится полным крахом всей ее жизни:

«Я приняла тебя за необыкновенного человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим...» [Чехов; т. 8: 255].

Хотя героиня и перекладывает вину на Коврина, но финал был изначально задан: в фамилии «Песоцкий» — семантика песка как ненадежного, зыбкого.

Использование Чеховым лакуны (опущен рассказ о жизни Татьяны после расставания с Ковриным) создает эффект несведенности ее обличков: счастливой Татьяна была только вискаженной оптике Коврина. Эта несведенность зафиксирована в вегетативном мотиве. Вегетативная деталь из характерологической у Пушкина становится нарратологической³⁴, приобретая концептуальный смысл. Черный тюльпан в саду Песоцких полисемантичен: он — подобие миражного Черного монаха — ассоциируется с самим Ковриным, но это и символ перегоревшей души Татьяны, ее боли. Сад оборачивается для Татьяны не просто непосильным бременем, но и проклятием. Исковерканная жизнь, незаживающая рана («Мою душу жжет невыносимая боль... Будь ты проклят» [Чехов; т. 8: 255]) — плата за ошибку. Мокрые от росы свежие срезанные цветы, стоящие в вазах (еще до встречи с Черным монахом), отзовутся в памяти Коврина перед его смертью. «Срезанные цветы» полисемантичны: здесь и красота, и намек на скротечность, преходящесть этой красоты, жажда счастья и предчувствие недолговечности человеческих отношений. Символическая

³⁴ Е. Е. Яблонская, отмечая, что «художественная деталь "цветы" при обрисовке женских образов чаще всего используется Чеховым в переносном значении утраченных надежд или предвестников драм» [Яблонская: 24], по сути, говорит об этой детали не только как о характерологической, но и как о нарратологической.

деталь несет сюжетообразующий смысл: в сопряжении безумного бреда и глубоко скрытых в душе воспоминаний — своеобразное перетекание боли Татьяны в Коврина и его открытие утраченного как единственно необходимого.

Измученная, издерганная Татьяна ассоциируется с загнанной лошадью, несущей непосильное бремя забот о саде и о безумном муже, насиливо привязанной и к саду³⁵, и к Коврину. (В этом — пародийные отголоски «анималистического» сравнения пушкинской Татьяны с ланью.) Э. А. Радь указала на концептуальный смысл яблони в саду Песоцкого: «...древо яблоня — эмблема первородного греха — посвящено Церере, римской хтонической богине, насылающей на людей безумие <...>, трактуется как символический образ трагического финала повести, гибели сада, смерти его создателя и самого Коврина» [Радь: 85–86]. Образ Черного монаха, возникшего из «дымного» сада, ассоциирующегося с потусторонним миром, увязан с черным тюльпаном и с лошадьми семантикой смерти (Черный монах — вестник смерти; а мифопоэтический смысл коней — проводники в потусторонний мир), предвещая гибель героя в «готическом» сюжете³⁶.

В рассказе «У знакомых» (1898) Татьяна — одна из сестер, владелица имения, куда приглашен адвокат Подгорин с целью помочь хозяевам сохранить имение, которое скоро будет продано за долги. Анималистический мотив возникает начиная с фамилии хозяев имения: «Говорящая фамилия "Лосевы" актуализирует семантику охоты...» [Кубасов, 2013: 150]³⁷. Подгорин в сюжете напоминает загнанного зверя, едва не попавшего в расставленную ловушку: окружающие, моля о помощи, подталкивают его к женитьбе на Надежде, сестре Татьяны.

В оптике Подгорина Татьяна предстает в двух ипостасях: в прошлом красивая молодая девушка, ожидающая жениха, теперь — располневшая, но по-прежнему красивая (подчеркнуты

³⁵ См. наблюдения, касающиеся в том числе и писем Чехова: [Мушникова]. Исследователь, как и Е. Нагорная, работает с анималистической лексемой.

³⁶ См. об этом: [Козубовская, 2006].

³⁷ См. наблюдение А. В. Кубасова об авторской замене фамилии Горылины на Лосевы: [Кубасов, 2013: 150].

ее «полные белые руки»)³⁸. Впечатление от цветущей красоты, правда, снижено указанием на сидящих рядом с ней здоровых, сытых девочек, похожих на булки.

Анималистический мотив вводится в текст усадебного сюжета точкой зрения Подгорина. Ассоциативная метафора развертывается в семантическом поле «курица» (Татьяна напоминает ему курицу, готовую в любой момент броситься на защиту детей и дома) на основе обыгрывания фразеологизмов³⁹ и использования метафоры «гнездо».

«Пушкинское» промелькнуло в чеховской Татьяне в ее «страстном» монологе: здесь верность себе проявилась в готовности куда угодно следовать за мужем — хоть в тымутаракань, хоть в Сибирь (хотя сама она признается, что настрадалась с мужем), в преданности своему родовому имению:

«Я здесь родилась, это мое родовое гнездо, и если у меня отнимут его, то я не переживу, я умру с отчаяния» [Чехов; т. 10: 11].

На основании этого монолога О. В. Богданова связывает образ Татьяны с женщинами-декабристками [Богданова: 13]. На наш взгляд, здесь скорее можно говорить об ироническом модусе⁴⁰. Монолог сопровождает непушкинский жест («топнула ногой»), выражющий отчаяние и беспомощность, чем и снят императив. Чеховские Татьяны опровергают смысл своего имени: они далеко не устроительницы.

Пушкинская Татьяна у Чехова «раздваивается»: «романтичностью» наделена ее сестра Надежда, с которой связан «лунный» эпизод сюжета, разбередивший душу Подгорина («...белая, бледная, тонкая, очень красивая при лунном свете» [Чехов; т. 10: 22]). И хотя в сознании Подгорина две ипостаси пушкинской Татьяны не сведены воедино, они смыкаются семантикой телесности в ситуации охоты на жениха-спасителя

³⁸ Расцветшая телесность Татьяны отсылает к «Вандиковой Мадонне» пушкинского романа. Но не исключены ассоциации Татьяны с вечно юной богиней охоты и луны — Артемидой/Дианой.

³⁹ Не к добру курица петухом запела, на своей улице и курица храбра, мокрая курица петухом запела (см.: Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. СПб., 1881. Т. 2. С. 228).

⁴⁰ А. В. Кубасов, наоборот, пишет об инфантильности Татьяны (см.: [Кубасов, 2013: 146]).

и ассоциативной анималистической метафорой. В памяти Подгорина от Надежды, ассоциирующейся с Дианой-охотницей, осталась одна деталь — чулки телесного цвета, которые рифмуются с тапочками, чуть не превратившими его в зятя⁴¹. И в этом намек на повторяемость судеб сестер и мотивированка бегства героя.

Пушкинские ходы в «возможном» сюжете романа (нереализованный порыв героя и сожаление о несостоявшемся счастье) у Чехова уходят в подтекст. Сбежавший жених — архетип русской литературы⁴². «Романтическое» подпитано «пошлым», и это знак полного разрыва с прошлым для героя.

Цветочный мотив, выполняющий у Пушкина характеристологическую функцию, становится у Чехова концептуальным, стягивающим многообразие смыслов. Букет срезанных роз в сумеречном кабинете Татьяны полисемантичен: цветы здесь — символ хрупкой и исчезающей красоты, знаки ситуации несостоявшегося жениха (розы рифмуются с сиренью, упоминаемой во время описания дневной прогулки по саду — аллюзия на пушкинский роман). В срезанных цветах — намеки на необратимость прошлого и на завершение ситуации.

В интерпретации Чеховым героинь романа «Евгений Онегин» очевидна ориентация на пушкинские принципы моделирования характеров.

Избранный Чеховым сюжет — женские метаморфозы — позволяет обнажить заложенные в характере полярности.

В ранней прозе («Драма на охоте»), где объемность женского образа сконструирована точкой зрения рассказчика, сюжет о превращении «красного цветка зеленого леса» в «змею» отличает прямолинейность. В поздней прозе писателя и сюжеты, и трактовки женских образов более органичны. Чехова

⁴¹ Заметим, что ассоциативная метафора «работает» и в связи с Надеждой: сидящая в гостиной у ног Подгорина, она напоминает собаку. Метафора «поддержаня» появлением собаки по прозвищу Жук в «лунном» эпизоде: «...неподвижная белая фигура с блаженной улыбкой на бледном лице, черная собака, тени обеих — и все вместе точно сон...» [Чехов; т. 10: 22]. См.: прямая форма анимализации: собака — Зинаида Федоровна («Рассказ неизвестного человека»), птица — Юлия («Три года»), крыса — Манюся («Учитель словесности»). О крысином мотиве см.: [Козубовская, 2011: 450–451].

⁴² На перекличку ситуаций Подгорина и Подколесина указал А. В. Кубасов (см.: [Кубасов, 2013: 151]).

интересуют скрытые возможности характера: обнажившееся в героинях «полярное» находит воплощение в тонком обыгрывании смысловых взаимосвязей, сохраняя неоднозначность характеров.

В игре с пушкинской литературной моделью изменяется функция мотивов — вегетативного и анималистического: выполнившие в романе Пушкина лишь характерологическую функцию, они становятся концептуальными и сюжетообразующими. Так, цветочный мотив, несущий семантику элегической образности начала XIX в., перерастает в анималистическую метафору, содержащую и самопрезентацию героини, и авторскую оценку («Попрыгунья»). Зооморфные аналогии, включаясь в семантические цепочки, где «энтомологическое» сосуществует с «орнитологическим» и «герпетологическим», очерчивают сюжет. Вегетативность как знак семейной идиллии пародийно обыграна в «Душечке»: густаторная метафора («полынная горечь») предопределяет финал — полное одиночество героини и переживание ею собственной ненужности. Скрытые смыслы «перевоплощений» героини актуализуются в ассоциативной метафоре: идеальная хозяйка пасторального мира обретает материализованное воплощение в черной кошечке, ее анималистическом двойнике.

Символическая деталь (букет свежих срезанных роз), обретшая сюжетообразующую функцию, — полисемантична: здесь и выражение полноты сиюминутного счастья, обернувшегося обманом, и предварение неизбежного разминования героев в finale («Черный монах»). Вегетативный мотив (букет рифмуется с черным тюльпаном в саду Песоцких) увязывает героев в единый узел: цветок — двойник заболевающего Коврина и одновременно символ перегоревшей души Татьяны. «Вегетативное» перерастает в «анималистическое», снижая образ «высокой» героини: верная долгу, гибнущая от непосильного бремени Татьяна ассоциируется с загнанной лошадью. Смыслы ассоциативной метафоры рассыпаны по тексту.

Букет свежих срезанных роз, сопрягая смыслы живого и мертвого, обретает смысл несостоявшегося счастья, готовя finale — бегство «жениха» («У знакомых»). Разложенный надвое образ пушкинской Татьяны (две нестыкующиеся в сознании

Подгорина ипостаси — цветущая Татьяна Лосева, мать девочек-булочек, и романтическая Надежда) реализуется в параллельных микросюжетах: ожидания жениха и надежды на спасение имения. Верность долгу пародийно обыгрывается в хранительнице домашнего очага/гнезда Татьяне в ассоциативной метафоре (курица-наседка).

Специфический чеховский прием — ассоциативная метафора, выявляющая скрытое в героях, — базируется на перекличках смыслов. Зоометафоры, существующие в тексте как воплощенное/развоплощенное, прочерчивают сюжет семантическими цепочками — штрихами, по которым в сознании читателя воссоздается целое.

В игре с пушкинской литературной моделью формируются чеховская концепция женского характера и художественные принципы его моделирования.

Список литературы

1. Аранс О. Р. Тайный миф Онегина // Славянский альманах 2004. М.: Индрик, 2005. С. 381–404 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/taynyy-mif-onegina/viewer> (10.08.2025).
2. Богданова О. В. «Крик» и «У знакомых» А. П. Чехова (варианты, система героев, интертекст) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 1. С. 10–24 [Электронный ресурс]. URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/1699/1552> (10.08.2025). DOI: 10.18522/1995-0640-2022-1-10-24. EDN: RWWLSG
3. Грекова Л. В. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина в аспекте беллетристической рецепции (Татьяна и Ольга) // Проблемы современного пушкиноведения: сб. ст. Псков, 1999. С. 106–109 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=mVUkrahOuis%3d&tabid=10396> (10.08.2025).
4. Гречаная Е. П. Линар. По страницам онегинской энциклопедии // Октябрь. 1999. № 6. С. 183–184 [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/oktyabr_1999_06__ocr.pdf (10.08.2025).
5. Егорова Е. Н. «Приют задумчивых дриад». Пушкинские усадьбы и парки. М.: Московская обл. орг. Союза писателей России: Информ. центр, 2006. 230 с.
6. Ермоленко С. И. «А Дуня разливает чай...» (трансформация хронотопа «семейной идиллии» в романе А. С. Пушкина «на новый лад») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 215–223 [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_1_unicode/33.pdf (10.08.2025). EDN: VWWYTL

7. Жолковский А. К. «Душечка»: лабиринт сцеплений. Тема, персонажи, сюжетные и метатекстуальные мотивы // А. П. Чехов: pro et contra. СПб.: РХГА, 2022. Т. 4: Современные аспекты исследования (2000–2020), антология / сост., вступ. ст., comment. И. Н. Сухих. С. 332–357. (Сер.: Русский Путь.)
8. Завгородняя Г. Ю. Женские образы в рассказах А. П. Чехова: романтическая традиция и мифопоэтический аспект // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 238–254 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/G.Yu.Zavgorodnyaya.pdf> (10.08.2025). DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-238-254. EDN: IVLGQT
9. Иванова-Казас О. М. Птицы в мифологии, фольклоре и искусстве. СПб.: Нестор-История, 2006. 172 с.
10. Карпенко Г. Ю. О «мужской» поэтике А. С. Пушкина, или О смыслопорождающих возможностях одного уподобления: Ольга Ларина = Филлида // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 145–166 [Электронный ресурс]. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000720596> (10.08.2025). DOI: 10.17223/19986645/64/10. EDN: FPAGNP
11. Кибальник С. А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста: статьи, очерки, заметки. СПб.: Петрополис, 2015. 313 с. EDN: XGNZH2
12. Козубовская Г. П. Архетип баллады в прозе А. П. Чехова: «Черный монах» // Антропотекст-1: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию профессора Николая Даниловича Голева. Томск: Изд-во ТГУ, 2006. С. 201–209 [Электронный ресурс]. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000232448/SOURCE1?view=true> (10.08.2025).
13. Козубовская Г. П. Проза А. П. Чехова: архетип еды // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии: сб. науч. ст. к 70-летию Е. Фарино, известного польского ученого-слависта. Барнаул: АлтГПА, 2011. С. 445–464 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17805547_27495400.pdf (10.08.2025). EDN: OZQPRH
14. Кошелев В. А. Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: [сб.]. М.: Наука, 1998. [Вып. 7]: Чехов и Пушкин. С. 147–154.
15. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1998. 399 с.
16. Кубасов А. В. Нarrатив и время в рассказе А. П. Чехова «У знакомых» // Уральский филологический вестник. Сер.: Русская классика: динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 138–151 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19403367_90436074.pdf (10.08.2025). EDN: QIPSBL
17. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: от текста к контексту и интертексту. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2024. 468 с.
18. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

19. Миронюк Л. Ф. Чехов глазами зооморфиста // Языковое мастерство А. П. Чехова. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1988. С. 12–17.
20. Мушникова Е. Н. Семантическая структура зоометафоры *лошадь*: динамизм становления // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2011. Вып. 2. С. 19–25 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16401042_24549691.pdf (10.08.2025). EDN: NUXMZB
21. Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб., 1998. 925 с.
22. Нагорная Е. Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2014. 178 с. EDN: TUJUUR
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.: АН СССР, 1957. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 637 с.
24. Радь Э. А. Интертекстуальные переплетения в повести А. П. Чехова «Черный монах» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. № 2. С. 83–88 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2012/02/2012-02-22.pdf> (10.08.2025). EDN: PKFHIJ
25. Робак С. П. Зачем страдать, о чем грустить: переосмысление образа героини Ольги Лариной из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 223–226 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/297/67345> (10.08.2025). EDN: VUERYI
26. Савинков С. В. «Стрекоза и муравей» в интерпретации А. П. Чехова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 28–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://izv-oifn.ru/s160578800024602-8-1/> (10.08.2025). DOI: 10.31857/S160578800024602-8
27. Сахарова Е. М. «Письмо Татьяны предо мною...» (К вопросу об интерпретации Чеховым образа героини «Евгения Онегина») // Чеховиана: [сб.]. М.: Наука, 1998. [Вып. 7]: Чехов и Пушкин. С. 155–161.
28. Тахо-Годи Е. А., Тахо-Годи М. А. Замысел античной виньетки у Пушкина // Пушкин и мир античности: материалы чтений в «Доме Лосева» (25–26 мая 1999 г.). М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 100–117.
29. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
30. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: источники, семантика, формы. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 309 с. EDN: QQUVAV
31. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб.: Нестор-История, 2018. 544 с.

32. Яблонская Е. Е. Деталь «цветы» в прозе А. П. Чехова // Русская речь. 2016, № 2. С. 21–25 [Электронный ресурс]. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-2/21-25> (10.08.2025). EDN: VWHUXV

References

1. Arans O. R. The Secret Myth of Onegin. In: *Slavyanskiy al'manakh 2004 [Slavic Almanac 2004]*. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 381–404. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/taynyy-mif-onegina/viewer> (accessed on August 10, 2025). (In Russ.)
2. Bogdanova O. V. “Scream” and “At Acquaintances” by A. P. Chekhov (Options, Hero System, Intertext). In: *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki [Proceedings of Southern Federal University. Philology]*, 2022, vol. 26, no. 1, pp. 10–24. Available at: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/1699/1552> (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.18522/1995-0640-2022-1-10-24. EDN: RWWLSG (In Russ.)
3. Grekova L. V. “Eugene Onegin” by A. S. Pushkin in the Aspect of Fictional Reception (Tatiana and Olga). In: *Problemy sovremennoego pushkinovedeniya: sbornik statey [Problems of Modern Pushkin Studies: Collection of Articles]*. Pskov, 1999, pp. 106–109. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Link-Click.aspx?fileticket=mVUkrahOuis%3d&tqid=10396> (accessed on August 10, 2025). (In Russ.)
4. Grechanaya E. P. Linar. From the Pages of the Onegin Encyclopedia. In: *Oktjabr'*, 1999, no. 6, pp. 183–184. Available at: https://imwerden.de/pdf/oktyabr_1999_06_ocr.pdf (accessed on August 10, 2025). (In Russ.)
5. Egorova E. N. “Priyut zadumchiviykh driad”: pushkinskie usad’by i parki [“The Shelter of Pensive Dryads”: Pushkin’s Estates and Parks]. Moscow, Moskovskaya oblastnaya organizatsiya Soyuza pisateley Rossii: Informatsionnyy tsentr Publ., 2006. 230 p. (In Russ.)
6. Ermolenko S. I. “And Dunya Pours the Tea...” (Transformation of the “Family Idyll” Chronotope in A. S. Pushkin’s “New-Way” Novel). In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]*, 2016, no. 1, pp. 215–223. Available at: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2016_-_1_unicode/33.pdf (accessed on August 10, 2025). EDN: VWWYTL (In Russ.)
7. Zholkovskiy A. K. “The Darling”: a Labyrinth of Connections. Theme, Characters, Plot, and Metatextual Motifs. In: *A. P. Chekhov: pro et contra*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2022, vol. 4: Modern Aspects of Research (2000–2020), Anthology, pp. 332–357. (Ser.: The Russian Way.) (In Russ.)
8. Zavgorodnyaya G. Yu. Female Images in Stories by A. P. Chekhov: Romantic Tradition and Mythopoetic Aspect. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2022, vol. 66, pp. 238–254. Available at: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/G.Yu.Zavgorodnyaya.pdf> (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.37816/2073-9567-2022-66-238-254. EDN: IVLGQT (In Russ.)

9. Ivanova-Kazas O. M. *Ptitsy v mifologii, fol'klore i iskusstve [Birds in Mythology, Folklore, and Art]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2006. 172 p. (In Russ.)
10. Karpenko G. Yu. On the “Male” Poetics of Alexander Pushkin, or the Sense-Generating Possibilities of One Assimilation: Olga Larina = Phyllida. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 2020, no. 64, pp. 145–166. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000720596> (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.17223/19986645/64/10. EDN: FPAGNP (In Russ.)
11. Kibal'nik S. A. *Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta: stat'i, ocherki, zameтки [Chekhov and Russian Classics: Problems of Intertextuality: Articles, Essays, Notes]*. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2015. 313 p. EDN: XGNZH2 (In Russ.)
12. Kozubovskaya G. P. The Archetype of the Ballad in the Prose of A. P. Chekhov: “The Black Monk”. In: *Antropotekst-1: sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 60-letiyu professora Nikolaya Danilovicha Goleva [Anthropotext-1: a Collection of Scientific Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Professor Nikolai Danilovich Golev]*. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2006, pp. 201–209. Available at: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000232448/SOURCE1?view=true> (accessed on August 10, 2025). (In Russ.)
13. Kozubovskaya G. P. A. P. Chekhov’s Prose: The Archetype of Food. In: *Kul’tura i tekst: kul’turnyy smysl i kommunikativnye strategii: sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu E. Farino, izvestnogo pol’skogo uchenogo-slavista [Culture and Text: Cultural Meaning and Communicative Strategies: a Collection of Scientific Articles for the 70th Anniversary of E. Farino, a Famous Polish Slavic Scientist]*. Barnaul, Altai State Pedagogical Academy Publ., 2011, pp. 445–464. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17805547_27495400.pdf (accessed on August 10, 2025). EDN: OZQPRH (In Russ.)
14. Koshelev V. A. Onegin’s “Myth” in Chekhov’s Prose. In: *Chekhoviana: sbornik [Chekhoviana: Collection]*. Moscow, Nauka Publ., 1998, issue 7: Chekhov and Pushkin, pp. 147–154. (In Russ.)
15. Kubasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii [A. P. Chekhov’s Prose: The Art of Stylization]*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 1998. 399 p. (In Russ.)
16. Kubasov A. V. Narrative and Time in A. P. Chekhov’s Story “At Acquaintances”. In: *Ural’skiy filologicheskiy vestnik. Ser.: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem [Ural Journal of Philology. Ser.: Russian Classics: the Dynamics of Artistic Systems]*, 2013, no. 1, pp. 138–151. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_19403367_90436074.pdf (accessed on August 10, 2025). EDN: QIPSBL (In Russ.)
17. Kubasov A. V. *Proza A. P. Chekhova: ot teksta k kontekstu i intertekstu [A. P. Chekhov’s Prose: from Text to Context and Intertext]*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2024. 468 p. (In Russ.)

18. Lotman Yu. M. Roman A. S. Pushkina "Evgeniy Onegin": kommentariy [A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin": Commentary]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1983. 416 p. (In Russ.)
19. Mironyuk L. F. Chekhov Through the Eyes of a Zoomorphist. In: *Yazykovoe masterstvo A. P. Chekhova: sbornik statey* [The Linguistic Mastery of A. P. Chekhov: Collection of Articles]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1988, pp. 12–17. (In Russ.)
20. Mushnikova E. N. Semantic Structure of Zoometaphor Horse: Dynamism of Formation. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorija i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2011, issue 2, pp. 19–25. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16401042_24549691.pdf (accessed on August 10, 2025). EDN: NUXMZB (In Russ.)
21. Nabokov V. V. *Komentarij k romanu A. S. Pushkina "Evgenij Onegin"* [Commentary on the Novel by A. S. Pushkin "Eugene Onegin"]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1998. 925 p. (In Russ.)
22. Nagornaya E. N. *Zoometafora v sisteme yazyka i v diskurse chekhovskoy prozy: dis. ... kand. filol. nauk* [Zoometaphor in the Language System and in the Discourse of Chekhov's Prose. PhD. philol. sci. diss.]. Taganrog, 2014. 178 p. EDN: TUJUUR (In Russ.)
23. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 10 tomakh* [The Complete Works: in 10 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957, vol. 5. 637 c. (In Russ.)
24. Rad' E. A. Intertextual Intertwinement in A. Chekhov's Novel "The Black Monk". In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika* [Proceedings of Voronezh State University. Ser.: Philology. Journalism], 2012, no. 2, pp. 83–88. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2012/02/2012-02-22.pdf> (accessed on August 10, 2025). EDN: PKFHIJ (In Russ.)
25. Robak S. P. Why Suffer, What To Be Sad About: a Reimagining of the Character Olga Larina from A. S. Pushkin's Novel "Eugene Onegin". In: *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2020, no. 7 (297), pp. 223–226. Available at: <https://moluch.ru/archive/297/67345> (accessed on August 10, 2025). EDN: VUERYI (In Russ.)
26. Savinkov S. V. "Dragonfly and Ant" as Interpreted by A. P. Chekhov. In: *Izvestiya Rossijskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Studies in Literature and Language], 2023, vol. 82, no. 6, pp. 28–33. Available at: <https://izv-oifn.ru/s160578800024602-8-1/> (accessed on August 10, 2025). DOI: 10.31857/S160578800024602-8 (In Russ.)
27. Sakharova E. M. "Tatiana's Letter Is Before Me..." (to the Question of Chekhov's Interpretation of the Image of the Heroine of "Eugene Onegin". In: *Chekhoviana: sbornik* [Chekhoviana: Collection]. Moscow, Nauka Publ., 1998, issue 7: Chekhov and Pushkin, pp. 155–161. (In Russ.)
28. Takho-Godi E. A., Takho-Godi M. A. The Concept of the Antique Vignette in Pushkin. In: *Pushkin i mir antichnosti: materialy chtenij v "Dome Lose-*

- va*" (25–26 maya 1999) [*Pushkin and the World of Antiquity: Proceedings from the Losev House Readings (May 25–26, 1999)*]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999, pp. 100–117. (In Russ.)
29. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 30 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russ.)
30. Sharafadina K. I. "Alfavit Flory" v obraznom yazyke literatury pushkinskoy epokhi: istochniki, semantika, formy ["Flora's Alphabet" in the Figurative Language of the Literature of Pushkin's Era: Sources, Semantics, Forms]. St. Petersburg, St. Petersburg Institute of Printing Publ., 2003. 309 p. EDN: QQUVAV (In Russ.)
31. Sharafadina K. I. "Selam, otkroysya!" Floropoetika v obraznom yazyke russkoy i zarubezhnoy literatury ["Selam, Open Up!" Floropoetics in the Figurative Language of Russian and Foreign Literature]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 544 p. (In Russ.)
32. Yablonskaya E. E. The Detail "Fowers" in the Prose of A. P. Chekhov. In: *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2016, no. 2, pp. 21–25. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-2/21-25> (accessed on August 10, 2025). EDN: VWHUXV (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Козубовская Галина Петровна, *Galina P. Kozubovskaya*, PhD (Philology), Professor, Professor of the Literature Department, Altai State Pedagogical University (ul. Mолодежная 55, Barnaul, 656031, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4889-1020>; e-mail: e-mail: Galina_mifo@mail.ru. Galina_mifo@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 23.11.2025

Принята к публикации / Accepted 25.11.2025

Дата публикации / Date of publication 02.02.2026